

Лекарство от модернизма. Беседа с архимандритом Рафаилом (Карелиным)

22.10.2019

Интервью у архимандрита Рафаила (Карелина) взял священник Георгий Максимов

— Отец Рафаил, в своих работах Вы много внимания уделяете соблазну модернизма. Что собой представляет это явление, и каковы его духовные корни?

— Модернизм означает «новое», «современное» явление. Он может проявляться в искусстве, литературе и в религии. Нас интересует проблема модернизма в современной церковной жизни. Он знаменует собой разрыв с традиционными ценностями, понятиями и нормами, вызванный обмирщвлением человеческого сознания и изменением нравственных ориентиров. В историческом аспекте модернизм является продолжением и **новым этапом обновленчества** — антицерковного авангардистского учения, возникшего на волне революции в первой половине прошлого столетия. Тогда обновленчество представляло собой преимущественно ектlesiологическую ересь, стремящуюся извратить и разрушить канонические основы, иерархическую систему и богослужебный устав и сразу же проявило себя как мятеж и раскол Церкви. Поэтому границы между обновленчеством и православным традиционализмом были довольно ясно очерчены.

Теперь модернизм действует более осторожно, планомерно и последовательно, без крикливых лозунгов и эксцессов, но диапазон его борьбы стал значительно шире. Если обновленчество постреволюционного периода мало затрагивало догматические вопросы, то современный модернизм делает глубокий подкоп под православную догматику, и, что самое опасное, выступая против Православия, старается говорить от имени православия, утверждая, что его единственная цель — очистить от позднейших наслоений традиционное вероучение. Реформаторство модернистов может начаться как с искажения формы, при якобы сохраняющемся содержании, так и с искажения содержания при

временном сохранении формы. В первом случае модернисты утверждают, что форма имеет несущественное значение, что здесь допустим плюрализм, что изменение или упрощение форм может делать содержание более доступным для верующих. Однако богослужебные ритуалы — это символический язык Церкви и разрушение традиционных церковных форм не только обедняет, но искажает само содержание. Во втором случае изменяется содержание, а форма временно сохраняется, чтобы скрыть подлог и перемену в вероисповедании. Пример первого — литургический и канонический произвол обновленцев; пример второго — унианальное соединение православия с инославием, где меняется содержание веры, но искусственно задерживается изменение формы для маскировки, чтобы перемена не была бы явной. Однако в итоге деградирует и содержание и форма. Необходимо помнить, что содержание и форма в православии тесно связаны друг с другом. Содержание нашло свое воплощение в определенных формах, форма является константой и хранительницей содержания.

— *В чем ошибочность такого подхода к вере?*

— Новые оземленные отношения к духовному миру и приниженная шкала ценностей вызывают у модернистов стремление приблизить догматику, теологию и ритуалы христианской религии к душевному уровню современного общества. Они не учитывают того, что религия (имеется в виду Православие) это не произведение человеческого таланта и даже гения, а Божественное откровение, данное людям, поэтому не может быть дополнено и не нуждается в изменении. Откровение остается тождественным себе самому, но не прогрессирует, не эволюционирует, не уменьшается, не увеличивается; оно раскрывается и сообщается людям через Дух Святой, действующий в Церкви. Догматическое раскрытие Божественного Откровения произошло на Вселенских Соборах, которые представляют собой полноту церковного познания и рецептированы всей Церковью. Догматика, литургия, обряды и каноника Церкви восходит к первоначальному Откровению. Это Откровение нашло для себя целесообразные глубокие формы, в которых Божественное слово воплотилось в человеческом слове, а невидимое получило вещественный, видимый и осязаемый символ; эти формы, неразрывные от Предания, сами стали частью Предания, и бережно хранятся церковной традицией и уставом.

— *По сути, получается, модернизм покушается на саму суть христианства?*

— Именно так. Христианство — светоч, который стоит над миром; он не дает нашему полуязыческому миру полностью погрузиться в нравственную и духовную тьму. Модернисты хотят совершить подлог — приспособить христианство к человеческим страстям, ложным понятиям, плоским представлениям секуляризованного рассудка и представить суррогат христианства как некий прогресс, как очищенное от заблуждений, возрожденное ими христианство. Они говорят, что христианство надо сделать понятным для всех, и для этого подогнуть его под мерки человеческого рассудка так, чтобы одной мысленной силой постигнуть непостижимое. Но христианство — это жизнь в других измерениях. В христианство надо включиться, вжиться, подчинить ему свой ум через веру, а чувства через очищенное от страстей сердце. Модернисты предлагают реформу христианства, удобную для падшего человека, обещая ему Царство небесное без подвига, труда, без борьбы со страстями, на одном основании, что Бог любит человека и поэтому спасет его. В этом заключается для людей со слабой волей и притупленными религиозными интуициями притягательная сила модернизма.

Модернизм представляет собой грандиозную утопию. Ему верит тот, кто не хочет расстаться со своими страстями, кто не хочет реально видеть возможности и границы человеческого ума, кто воспитан в духе гуманизма и считает, что по праву рождения

человек является сыном Божиим, кто отравлен ядом либерализма и Православие кажется ему не духовным и нравственным возрождением личности, а системой запретов.

Модернизм это подчинение культа — культуре, духа — душе, откровения — человеческому произволу. Скажем более дерзновенно: это предпочтение земли небу, а человека — Богу.

— *Отец Рафаил, можно ли указать какие-либо конкретные особенности, характерные для модернизма и «выдающие» его, так сказать, отличительные признаки?*

— Можно указать целый ряд таких особенностей. Причем необязательно, чтобы в статье или лекции какого-нибудь модерниста были представлены все эти пункты. Но достаточно даже одного, чтобы понять, что мы имеем дело с реформаторством. Не обязательно изменять все числа в сложной формуле: достаточно изменить одно число — и вся формула уже не работает; достаточно одной глубокой раны на теле человека, чтобы он истекал кровью. Поэтому перечисленные ошибки у модернистов могут содержаться в любой композиции, или даже ограничиться одной.

1. Модернисты отрицают передачу греха Адама к его потомкам.
2. Отрицают искупление или извращают его смысл.
3. Скептически относятся к чудесам, описанным в Библии и житиях святых.
4. Отрицают пресуществление Святых Даров, совершаемое на Литургии.
5. Враждебно относятся к слову «мистика», сознательно путая православную мистику с ложным мистицизмом.
6. Стремятся к языковой реформе — замене древнего богослужебного языка на современный, менее отвечающий динамике молитвы.
7. Рассматривают любовь Божию в отрыве от справедливости Божией, тем самым обращая Божественную любовь в оправдание нравственной вседозволенности.
8. Извращают понятие Церкви, а именно, догмат: «верую во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь». Они утверждают, что в других конфессиях или даже при отсутствии религиозной веры можно спастись. Игнорируют действие Духа Святого, пребывающего в Церкви, отрицают святость Церкви, как и чистоту ее учения. Соборное сознание Церкви они заменяют собственными догадками и измышлениями.
9. Стараются рационализировать как богословие, так и богослужение, вообще холодно относятся к богослужению, считая его второстепенным делом для спасения.
10. Нигилистически относятся к Священному Преданию, традиции и преемственности.
11. По мнению модернистов, классическое, ортодоксальное богословие — это не более как «мертвечина и скучище».

12. Чтобы скрыть свою антиправославную направленность, модернисты в одном месте утверждают то, что отрицают в другом, отрицают то, что доказывали сами раньше. При этом если модернист будет обличен в еретической мысли, то сошлется на другое место в своих высказываниях и скажет, что его взгляды следует рассматривать не в отдельности, а в целом. Но что значит это целое — не понятно. К такому приему модернисты прибегают для того, чтобы создать путаницу в сознании православных.

13. Многие модернисты стараются реабилитировать учение Оригена и чуть ли не представить его жертвой заблуждения со стороны апологетов Православия — Отцов Вселенских Соборов. Для модернистов Ориген — неканонизированный святой.

14. Они учат о всеспасении, уже заранее предрешенном Богом, то есть, неизбежном. При этом они не только повторяют и варьируют апокатастасис Оригена, но в некоторых случаях идут намного дальше. Если для Оригена грешник должен пройти очищающие страдания на земле, то некоторые модернисты считают, что достаточно грешнику пожелать спасения, и он уже будет спасен.

15. Модернисты преуменьшают значение как ангельских, так и демонических сил в истории мира и нравственной жизни каждого человека. Демонические искушения они склонны списывать под эмоциональные аффекты и психические расстройства.

16. Модернисты стараются дискредитировать церковные авторитеты и вероисповедальные книги.

17. Они лавируют между эволюционистским и креационистским учениями о создании мира и человека и выступают с компромиссными гипотезами.

18. В своих критических наскоках на православное учение модернисты употребляют подлог: свои предположения выдают за факты, шаткие обоснования за твердые доказательства.

19. Путем монтажа цитат и манипуляции фрагментами, выдернутыми из патристических сочинений, они приписывают святым Отцам те мнения, которые устраивают их, не считаясь ни с церковной экзегетикой, ни с правилами герменевтики.

20. Модернисты, высказывая свои мысли, стараются не раскрывать их до конца, чтобы не выдавать свою антиправославную сущность. Поэтому у модернистов чувствуется отрывочность и незаконченность концептуальных взглядов.

21. Модернисты дефицит веры маскируют под широтой взглядов. Они спекулируют словами «наука», «просвещение» и «прогресс».

22. Модернизм не только потакает человеческим страстям и мирским вкусам, но иногда доходит до циничного отношения к святине. Они говорят о метафизических вопросах с шутками и ухмылками, которые разрушают чувство благоговения к предметам веры. Божество — это огонь, к которому нельзя приблизиться без покаяния и благоговения. Некоторые теологи ведут себя так, будто хотят позаимствовать славу муллы Насреддина.

— *Что именно подталкивает церковного человека к тому, чтобы быть модернистом?*

— Подталкивает то, о чем нас предостерегает Евангелие: гордость ума, похоть плоти и соблазны мира, с его полуязыческим духом и культом наслаждения. Это желание соединить несовместимое: святость и грех, любовь Христа с похотью мира, храм с вавилонской башней, Божественное откровение с понятиями и представлениями ограниченного, пораженного гордыней, находящегося под воздействием страстей и эгоизма человеческого рассудка. Это желание — не подчиниться Откровению, а Откровение подчинить себе, это отношение к Преданию как к сырому материалу, из которого можно лепить любые формы и интерпретировать сообразно голосу собственных страстей и желаний. Говоря словами светского поэта: «розу белую, с черною жабой, я хотел на земле повенчать». Векторы мышления модернистов обращены к земле и подчинены истории. Для них религия не открытие вечности во времени и путь к ней, а одна из гарантий земного благополучия.

— *Почему именно в наше время этот соблазн столь велик?*

— Наше время — эпоха революций социальных и нравственных, потрясающих мир. Нарастает процесс ревизий и реформаций во всех областях общественной, культурной и нравственной жизни, переиначивания морали, ломки мировоззренческих понятий, ломки человеческих взаимоотношений, катастрофического распада семьи, эмоционального охлаждения людей друг к другу. Идет растрясение нравов и апология греха через искусство, литературу и средства массовой информации. Нравственность и целомудрие воспринимаются как противостояние природе, которая мстит за это невротами и фобиями. Телевизионные передачи превращаются в инъекции разврата, жестокости и гордыни. Сознание людей всё более секуляризируется. Вседозволенность похоти развивается параллельно с вседозволенностью ума (причем ум отождествляется с одной из своих сил — рассудком). Вследствие этого притупляются религиозные интуиции человека, дух входит в себя и пребывает как бы в летаргическом сне, в состоянии, которое нельзя назвать ни жизнью, ни смертью.

Но у человека в душе остается некое чувство тайны вечности, которое не может удовлетворить ни позитивизм, ни атеизм. Поэтому человек полностью не порывает с религией, ищет компромиссов, которые давали бы простор его интеллектуальному произволу, не препятствовали бы похотям души и тела и, в тоже время, в какой-то мере удовлетворяли бы его религиозное чувство. Общее падение духовности явилось питательной почвой для модернизма, который обещает создать новое, облегченное для воли, уютное для страстей, нестесненное догматами и канонами для гордыни ума либеральное и гуманистическое христианство. В таком случае человек может посещать богослужения, совершать молитвы, и в тоже время заниматься йогой, медитациями, заимствованными с Востока, быть завсегдаем рок-концертов, участвовать в создании при монастырях литературных и спортивных кружков, и при этом считать себя православным христианином, разумеется, называя себя не рабом Божиим, а сыном Божиим.

Евангельское учение и высокие идеалы христианства кажутся таким людям не родными и естественными душе, а какой-то недостижимой, красивой абстракцией, которую невозможно воплотить в жизнь, а иногда — насилием над человеческой природой, которая отвечает на эти принуждения болезненными комплексами и патологиями. Модернисты стремятся заменить аскетизм — наслаждением падшей человеческой природы; в этом смысле он представляет собой апологию страстей и подгонку под них христианства. Модернисты хотят создать унианальное христианство, где добро мирно уживалось бы со злом, Логос Христа заменить логосом Гераклита. Один из видных декадентов писал:

*«Хочу, чтоб всюду плавала, моя ладья.
И Господа и дьявола, готов прославить я» (Брюсов).*

В наше время нравственной деградации и узаконения того, что раньше считалось извращением и позором, жить по-христиански — уже подвиг. Нравственность является одним из органических элементов религии. С ее падением религия перестает быть внутренней жизнью человека и переходит на периферию его сознания. Здесь возможно несколько путей исхода.

Первый путь: борьба за нравственность, противостояние соблазнам мира, как концентрату страстей, атмосфере, наэлектризованной похотью, гордыней и эгоцентризмом, в которой живет человек.

Второй путь: гностицизм и скептицизм, как системы отрицания, как удобный способ отделаться от собственной совести и размышлений о смысле человеческого бытия, при этом религиозные верования и нравственные принципы воспринимаются как релятивистские понятия.

Третий путь: удовлетворение исковерканного мистического чувства через восточные пантеистические религии и оккультизм.

Четвертый путь: либеральное христианство — компромисс между христианством и миром, который снимает моральную ответственность с человека. Это христианство не духовной радости, а хорошего настроения. Оно похоже на медицину, которая не лечит, а успокаивает больного, что он здоров, скрывая от него, что его внутренности разъедает рак. Это христианство с гусем на вертеле в четырехдесятницу и концертами в страстную седмицу, христианство, где земля и небо поменялись своими местами.

Евангелие не от мира, но с небес, — это голос вечности, который открывает нам, что сам человек создан для вечности. Евангелие обличает мир в его грехах, поэтому мир возненавидел Христа и Его последователей.

Модернизм — это мастерская для производства лжехристов, котел красильщика, в котором церковную ризу можно выкрасить в любой цвет. Модернизм не имеет никаких научных, культурных и теологических оснований. Это белый флаг, выброшенный перед агрессией секуляризма. Однако он соответствует настроению значительной части общества и его принимают без рассуждения, принимают потому что хотят вместо суровой реальности верить в розовую утопию.

— Сейчас среди некоторых православных очень распространён скепсис — в отношении церковных преданий, богослужебных традиций, даже тех или иных пунктов верования. Причём этот скепсис довольно агрессивно позиционируется как «научность», как «просвещённость», даже как «честность». Что можно сказать об этом явлении?

— Предшественником и неизменным союзником модернизма является **гуманизм**. Это перевернутая шкала ценностей, где высшее место занимает эмпирический, невозрожденный, греховный человек. Гуманизм — это не только предпочтение человека Богу, но и порабощение Божества человеком. Гордый человеческий рассудок опровергает, отвергает Священное Предание, попирает его, насмехается над ним, как победитель разрывает на клочки знамена побежденного. Нигилистическое отношение к религии прикрывается расплывчатым и аморфным термином «научность». В модернизме происходит разрыв между прошлым и настоящим. Вера переходит в богостроительство,

эксессиология — в церквоискательство. Так называемый «научный метод», прилагаемый к религии, это ряд отрицаний, которые ничего не дают, и оставляют после себя на месте Предания пустую дыру. Этот метод разрушает все твердые критерии истины, игнорирует присутствие Духа Святого в Церкви, который животворит и хранит Церковь. Здесь происходит замена Церкви коллегией ученых, чаще всего с притупленной верой и раздутым самомнением, которые смотрят на Церковь с ее преданиями и традициями как на пустырь, где можно построить любое здание.

Научный метод, прилагаемый к религиозному сознанию, вырождается в панкритицизм. Всё, что принадлежит Преданию, проходит через фильтр человеческого рассудка, неспособного понять явления духовного, то есть сверхлогического мира. Религии навязывается другой, несвойственный ей метод проверки истинности (если в технических и прикладных науках основой научного метода служит эксперимент, то религиозный опыт, в котором участвует благодать, в запрограммированном эксперименте не повторяется). Дошедшие в литературе и материальных памятниках сведения модернистами подвергаются сомнениям, объективная достоверность заменяется личными вкусами и понятиями. Факты проходят через мясорубку критики, а их остатки подгоняются под определенную систему, представляющую собой искусственный монтаж. На основании отобранных фактов и собственного воображения составляются теории, несовместимые друг с другом и противоречащие друг другу. Чаще всего сначала возникает теория, а потом выискиваются факты и всё это делается под видом науки. Можно сказать, что научный метод, употребляемый в модернистских кругах, представляет собой принцип казуальности, то есть, случайности (случайно уцелевшая рукопись, случайно найденная плита с надписью и т. п.), соединенной с безудержной научной фантастикой. Так на наших глазах возникают, развиваются, изменяются и рушатся научные теории и гипотезы.

Свойство предания — твердость и самождественность; свойство научного метода — голый рационализм, построение эфемерных теорий, которые возникают и умирают, как загораются и гаснут огни фейерверка. Но этот «научный метод» имеет психологические основы у значительной части современных людей, а именно, безудержную веру в человеческий рассудок, как универсальный инструмент познания истины, недоверие к духовным феноменам и желание объяснить их материальными причинами. Образно говоря, это проверка метафизики через физику, мир бесконечного и вечного — через ограниченный человеческий рассудок. Можно сказать, что научный метод в приложении к религии — это область фантастики и рационалистического нигилизма.

— *Каковы причины этого явления?*

— Оскудение веры производит в душе некий вакуум и человек старается заполнить его реформаторством, ложной интерпретацией и критическим подходом, который представляет собой наукообразный суррогат и эклектику. Здесь ущербность выдается за элитарность и интеллектуализм.

Нужно помнить, что Церковь — *«столп и утверждение истины»* и всё, что не находит подтверждения в Церковном учении — сомнительно, а что противоречит ему — ложь.

Нужно также помнить, что Священное Предание не складывалось из патристических трудов, а **пребывало в Церкви изначально**; в патристике оно находило свое выражение. Здесь благодать Духа Святого отбирала и хранила всё, что соответствовало духовной истине. Четыре Евангелия были взяты и отделены от других недостоверных или искаженных вариантов Евангелий, — апокрифов, и сохранены Церковью. Если бы не

существовало церковного Предания, то границы между богодухновенным Писанием и апокрифическим были бы размыты. На Вселенских Соборах святые Отцы, утверждавшие Православие, обращались, прежде всего, к Священному Преданию. Таким образом, догматы, принятые Церковью, всегда существовали в ней, на Вселенских Соборах они только были выкристаллизованы из Предания.

Храмовое богослужение также восходит к апостольской традиции. Модернисты отвергают то, что прошло рецепцию Церкви, и подменяют соборное мышление и Священное Предание хаосом эфемерных человеческих мнений.

— *Отец Рафаил, что можно посоветовать тем православным, которые сталкиваются с такими явлениями модернизма и скептицизма, например, студентам учебных заведений, которые могут слышать подобное на лекциях?*

— Критически относиться к научному критицизму, который дискредитировал себя уже в антибиблейской, «сравнительно-исторической школе» Бауэра-Штрауса, с недоверием относиться к тем, кто не доверяет Священному Преданию, получившему и получающему массу подтверждений в археологии и археографии. Тем, кто хочет серьезно заниматься православным богословием, следует тщательно изучать классику богословия — произведения богословов XIX-го столетия, а в первую очередь патристику. Отношение классического богословия к современному модернизму можно условно сравнить с отношением классической музыки к современной рок-музыке и «тяжелому металлу». Надо заниматься внутренней молитвой, особенно Иисусовой молитвой, которая делает православным не только ум, но и сердце, и человек начинает ощущать беспрерывные диссонансы и фальшь в творениях современных нам модернистов.

— *Есть ли вообще «лекарство» от модернизма?*

— Это лекарство — смирение ума и целомудрие души. Уже древние мудрецы сказали: «человек есть то, что он ест», подразумевая не только вещественную, но и душевную и интеллектуальную пищу. Чтобы сохранить Православие ума человек должен быть осмотрителен в отношении книг, которые он читает. Премудрый Соломон сказал: «*пей воду из твоего водоема, текущего из твоего колодца*» (Прит. 5, 15). Этот водоем — творения святых Отцов, колодец — Церковь. Чтобы оберегать свой ум не только от модернизма, но и от различных заблуждений, в том числе оккультизма, надо сохранить свою душу от греховных картин, соблазнительных впечатлений — дьявольской радиации, которая, будучи добровольно принята человеком, извращает его чувства, засоряет его память и колеблет его мысли. Если человек сохранит целомудрие души, то его религиозные интуиции, как внутренний голос, сами будут подсказывать ему, где правда, а где ложь.

— *Какие, по Вашим наблюдениям, наибольшие опасности в духовной жизни подстерегают уже воцерковленного человека? Как избежать их?*

— Христианин, особенно в начале своего воцерковления, невольно отождествляет Церковь со священнослужителями. Поэтому дурной пример священнослужителя, его недостойные поступки и даже слухи о его пороках могут стать причиной недоверия и разочарования не только по отношению к данному лицу, но к самой Церкви. Священнослужитель всегда должен остерегаться соблазнить словом или поступком свою паству. Он учит не только проповедью, но примером своей жизни: если пример дурной, то никакая проповедь не поможет.

Другая причина охлаждения — чувство своего одиночества и ненужности в Церкви, когда священник не интересуется духовной жизнью своих прихожан, когда они дистанцированы друг от друга и приход не представляет собой духовную семью.

Есть еще одна причина, особенно опасная для интеллигенции, — желание получить сразу же все духовные дарования. Гордыня, самоуверенность, убежденность в силе своего рассудка, элитарность как избранничество, могут породить вместо христианской мистики, основанной на смирении и послушании, ложный, извращенный мистицизм. Поэтому в духовной жизни нужно руководство; если наставника нет, то хотя бы советоваться со старшими и опытными. Человек должен начать духовную жизнь с покаяния и очищения от грехов. Тот, кто думает без этого получить дар любви Божией, — о которой многие говорят, но мало кто имеет, — подобен человеку, который пытается построить свой дом с крыши. В духовной жизни совершенно необходимы постепенность и последовательность, здесь опасны личные догадки и находки, которые кажутся духовными озарениями.

— *Из-за чего наступает охлаждение в вере у воцерковлённых людей? Можно ли снова возжечь веру в своей душе?*

— Охлаждение в вере бывает тогда, когда человек живет не по заповедям Евангелия, а по своим страстям, когда он ограничивается только исполнением ритуалов и забывает об очищении своего сердца от греха, когда думает, что одними усилиями ума можно постигнуть тайну веры, а не подвигом всей жизни, особенно молитвой и покаянием. Святые Отцы говорили, что благодать возвращается тем путём, каким она шла. Нужно с помощью духовного руководителя разобраться, почему охладела вера, какие неправильности допустил человек. Вера просвещает ум через догматы, сердце через храмовое богослужение, участие в таинствах и домашнюю молитву; она укрепляет волю через исполнение Евангельских заповедей. Нередко охлаждение наступает из-за сокращения, а затем оставления необходимых для христиан молитв. Поэтому святой Феофан Затворник дает наставление: «обложи себя правилами». В эти правила должны входить утренние и вечерние молитвы, чтение Евангелия и апостольских посланий, а также Псалтири. Лучше правило не составлять самому, а руководствоваться указаниями духовного отца или приходского священника, у которого исповедуется человек.

Надо знать, что в жизни человека бывают периоды промыслительного охлаждения, как бы богооставленности, чтобы он помнил, что одними своими силами без благодати не сможет совершить ничего, кроме греха. Это урок смирения, который должен запомнить человек на всю жизнь.

Есть еще одна причина кажущегося охлаждения: в начале духовного пути благодать действует особенно явно и сильно в человеческой душе, словно носит его на крыльях. Но затем, по мере духовного возрастания, благодать как бы отступает, чтобы человек не обленился, чтобы в духовной жизни всё больше участвовала его воля. В такие неизбежные периоды человек должен не впадать в уныние, а продолжать молиться и посещать храм.

— *Что Вы могли бы посоветовать тем, кто берётся высказываться публично о богословии или духовной жизни?*

— Могу посоветовать этим людям советоваться с духовным отцом, брать его благословение, а если духовному наставнику некогда читать его сочинения, то давать их на просмотр человеку, сведущему в богословии, и правильной духовной ориентации.

Архимандрит Рафаил (Карелин)